

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВСЕРОССИЙСКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-РЕСТАВРАЦИОННЫЙ ЦЕНТР
ИМЕНИ АКАДЕМИКА И.Э. ГРАБАРЯ

Отдел реставрации рукописей

Хризोगраф

СБОРНИК СТАТЕЙ К ЮБИЛЕЮ
Г.З. БЫКОВОЙ

1441351

ИЗДАТЕЛЬСТВО
СКАНРУС

Москва, 2003

Е.И. Серебрякова

О МИНИАТЮРАХ ДВУХ РУССКИХ ЛИЦЕВЫХ АПОСТОЛОВ XVI в.

(ГИМ, Син. 13; СПМЗ, № 46)

В Синодальном собрании Отдела рукописей ГИМ хранится хорошо известный исследователям роскошно иллюминированный Апостол, датируемый 30-ми гг. XVI в. (Син. 13)¹. Его орнаментика подробнейшим образом была изучена Т.В. Диановой, которая отметила уникальный по богатству мотивов характер оформления этой рукописи, определила, какие гравированные литеры «Большого прописного алфавита» Израэля ван Мекенема послужили образцом для заставок и ввела ее в круг знаменитых памятников столичного происхождения 1-й трети XVI в.; среди них были названы и два датированных кодекса работы Исаака Бирева-Собаки — Учительное Евангелие 1524 г. (РГБ, ф. 304, № 100) и Евангелие 1531 г. (РГБ, ф. 304, III, № 15), написанные и украшенные им для Троице-Сергиева монастыря². Что касается единственной миниатюры Апостола ГИМ, Син. 13 с изображением евангелиста Луки, то Т.В. Диановой было отмечено лишь сходство орнаментального обрамления фигуры — золотых арабесок фона, капителей и баз колонн, поддерживающих арку — с орнаментикой Евангелия 1507 г. (РНБ, Погод. 133), выполненной Михаилом Медоварцевым³.

С нашей точки зрения, изображение Луки на л. 3 об. в Апостоле ГИМ, Син. 13 также является уникальным по художественным достоинствам произведением книжной миниатюры и наравне с орнаментом рукописи заслуживает более пристального анализа. Но предваряя его, укажем еще раз на некоторые кодикологические особенности самой рукописи.

Переплет кодекса относится к концу XVIII в., это картон, обтянутый гладкой коричневой кожей (так называемый «синодальный» переплет). В рукописи 515 листов, нумерация арабскими цифрами идет по нижнему краю листов (черными чернилами, почерком конца XVIII в.; л. 168 посчитан дважды, что отмечено в записи на л. 514: «В сей книге 514 листов считал и метил подьяк Игнатей Дмитрев два листа одним номером написаны»). Сведения о водяных знаках бумаги Апостола опубликованы Т.В. Диановой, согласно справочникам филиграней они указывают на период с 1516 г. по 1537 г., что и дало основание для широкой датировки рукописи 30-ми годами XVI в.⁴. Отметим, что бумага начального листа текста Деяний и предваряющей его выходной миниатюры с апостолом Лукой (т.е. всего два листа в рукописи) имеет особую филигрань «литера В (латинская) под короной». Близкие филигранные зафиксированы в двух датированных русских рукописях — «Маргарите» Иоанна Златоуста 1530 г.

(РГБ, ф. 256, № 245) и Беседах Григория Богослова (ГИМ, Епарх. 445) 1533 г. и в одной недатированной — знаменитом лицевом Житии св. Нифонта (ГИМ, Муз. 340)⁵.

Почерк на протяжении всей рукописи один — крупный, чуть грубоватый, но высокопрофессиональный, литургический полуустав, отличающийся некоторой стесненностью литер в строке; чернила коричневого оттенка, за исключением л. 471—502 (столп годовых апостольских чтений — «Сказание известно иже по вся дни...»), написанных тем же почерком, но черными чернилами и на бумаге с иным водяным знаком («одноручный кувшин»). Количество строк на странице — 15. При очень большой степени стандартизации каллиграфического полуустава литургических рукописей этого времени, все же укажем на некоторое сходство почерка Апостола ГИМ, Син. 13 с Апостолом «письма Собакина» (РГБ, ф. 173, № 6) — довольно близким как по общему характеру крупного письма, так и по начертаниям отдельных литер, особенно «земля», «омега»⁶. Есть ряд общих черт и с более «камерным» и изысканным письмом Исаака Собаки в Евангелии из собрания Покровского собора (ГИМ, 103799 / 2 П.с. 6 / 2)⁷. Но более всего почерк сходен с Евангелием из Епархиального собрания ГИМ, № 433, имеющим киноварную запись на первых листах: «Сиа книга Троицы Сергиева монастыря митрополита Иоасафа»⁸.

Как известно, митрополит Иоасаф (Скрипицын) был человеком высокообразованным, истинным книжником. У него была большая личная библиотека, в рукописных собраниях известно к настоящему времени около 40 книг с пометой о принадлежности Иоасафу⁹. Исследователями давно отмечено пристрастие Иоасафа к иллюминированным рукописям¹⁰. Установлено, что судьба замечательного мастера книги Исаака Собаки тесно связана с митрополитом Иоасафом. Они были знакомы еще в бытность Иоасафа троицким старцем, а затем игуменом Троице-Сергиева монастыря (с 1529 г. по 1539 г.) — ведь именно Исаак Собака по заказу старцев Троице-Сергиева монастыря написал Учительное Евангелие 1524 г.; уже при игуменстве Иоасафа было закончено и знаменитое Евангелие 1531 г., где Исаак подписался своей фамилией «Бирев», упомянув, что «по вине греховней многими именованными попрекомль зовомь», имея в виду, возможно, прозвище «Собака»¹¹. (Здесь к месту напомнить о существовании странной записи — «Шенки» — почерком XVI в. на переплетном листе Иоасафовского Апостола из собрания Сергиево-Посадского музея).

Вкратце напомним перипетии судьбы Исаака Собаки. Именно в 1531 г. Исаак Собака вместе с Михаилом Медоварцевым и другими писцами был привлечен к суду над Максимом Греком, обвинен в переписке признанных еретическими «хульных строк» в его переводах и сослан в Новгород в Юрьев монастырь. В 1539 г., став митрополитом, Иоасаф освободил Исаака Собаку из заточения, перевел в Москву и сделал сначала дьяконом, затем священником и, наконец, архимандритом Симонова монастыря. Но в 1542 г. в результате боярского заговора Иоасаф был изгнан с митрополичьего престола и сослан в Кирилло-Белозерский монастырь, а Исаак Собака остался в Москве, и в 1544 г. уже митрополитом Макарием был поставлен в архимандриты придворного Чудова монастыря в московском Кремле. Однако в 1548 г. эта необычная карьера блестящего книгописца и художника оборвалась: в царской казне был «обретен» список Судного дела Максима Грека 1531 г., и теперь уже был создан собор «на Исака Собаку», в результате которого он был обвинен в том, что «не испросил прощения» и занимал высокие церковные должности без снятия осуждения. В результате он был отлучен от церкви и в 1549 г. отправлен на покаяние в Нилову пустынь на Белоозеро¹².

Но вернемся к миниатюре на л. 3 об. Апостола ГИМ, Син. 13. Изображение апостола Луки заключено в обрамление, представляющее собой широкую пятилопастную арку, опирающуюся на прямые колонны с капителями и базами; внизу композиция ограничена тонкой горизонтальной планкой с маленькими завитками

на концах. Арка заполнена белильным тонкотравным орнаментом по яркому лазуриту (к сожалению, почти утраченному); сверху она обрамлена багряной полоской, разделанной тройными лепестками, а внизу — черной, с зелеными раздвоенными лепестками. Колонны глухо-зеленого цвета, расписанные светло-охристым тонкотравным вьюном, капители из двойных голубых (лазурит с белилами) фестончатых листьев, базы конусовидные, с валиками, лазуриновые, с белильной сеткой-штриховкой (краски на базах почти утрачены). Также полностью осыпался синий фон, заполненный крупным симметричным арабесковым орнаментом, выполненным золотом по розовой прокладке и обведенным черным контуром. Под орнаментом, между кровлями зданий — крупная золотая вязь: «Лука евангелист».

Фигура Луки правильных, изящных, слегка удлинённых пропорций; апостол сидит на скамье, слегка подавшись вперед, левой рукой придерживая на колене белый чистый лист с тончайшей светло-охристой разливкой. В правой руке у него заостренный калам, который он придерживает двумя чуть согнутыми перстами. Сдвинутые ступни ног в сандалиях с тонкими ремешками покоятся на подножии. Скамья и подножие — охристые с коричневым контуром, с разными градациями разбелки на плоскостях и с тонким золотым ассистом на боковых сторонах. Такой же обильный золотой ассист и на арочном основании и ножках столика перед Лукой. Доска столика охристая, с белильными приплесками и штрихами, по дальнему от зрителя краю — с нежной сине-голубой тенью, нанесенной тончайшими горизонтальными штришками. На столе — раскрытый кодекс, с белым, без текста, разворотом листов (но также с тончайшей охристой разливкой), с ярко-алым обрезами и двумя миниатюрными откиннутыми золотыми застёжками справа (с левой стороны кодекса художник не забыл нарисовать два микроскопических золотых шпенька для застёжек). Рядом с кодексом нарисованы чернильным контуром маленькая чернильница и шильце. Поzem светло-зеленый, с мелкими красно-черными пестринами. Лука облачен в густосиний (лазуриновый) хитон и темно-коричневый гиматий. На хитоне и гиматии — легчайшие деликатные высветления-пробела, с тонкими тающими белильными описями. Складки в тенях и контуры одеяний в целом прорисованы черной (на хитоне) и темно-коричневой (на гиматии) линией. Одна из особенностей синей краски на хитоне Луки — насыщенность ее мельчайшими блестящими кристаллическими частицами, так что одежда апостола производит впечатление сверкающей; тот же эффект наблюдается и на синих кровлях зданий второго плана. Лик апостола вылеплен тонкими сплавленными высветлениями чуть желтоватой охры с постепенным добавлением белил, по очень темному коричневому санкирию; в тени щек и шеи, в описи носа, мочек ушей, губ мастерски введена киноварная подрумянка, так что создается впечатление живой, смуглой, но легкой, как бы светящейся внутренним очищающим огнем плоти. Эти же приемы видны и в письме рук и ног. Черты лица очень тонкого рисунка, с глубоко посаженными глазами с черной точкой зрачка и яркой белильной каплей белка, с отмеченными темной тенью тяжелыми слезниками. Объемность почти скульптурной головы апостола подчеркнута гладким золотым нимбом.

ил. 2

За фигурой Луки — сложный ансамбль архитектурных форм: слева базилика с кровлей в необычном резко скошенном ракурсе, вызванном приспособлением к арочному обрамлению, справа сооружение из перекрытого сводом портика на консолях, опирающегося на другой портик, на тонких колонках; стены прорезаны арками, одинарными и двойными, прямоугольными и круглыми окнами. Ярко-лазуриновая лешадь кровель и сводов сочетается со светлой и темной охрой, с богато нюансированными градациями розового цвета на плоскостях и колоннах зданий; на нежно-желтой стене, соединяющей архитектурные кулисы, — полосы традиционно архитектурного орнамента в виде розеток и треугольников.

1. Апостол Лука.

Миниатюра. Деяния и Послания апостолов. 30-е гг. XVI в. ГИМ, Син. 13. Л. 3 об.

2. Апостол Лука.
Деталь миниатюры. Л. 3 об.

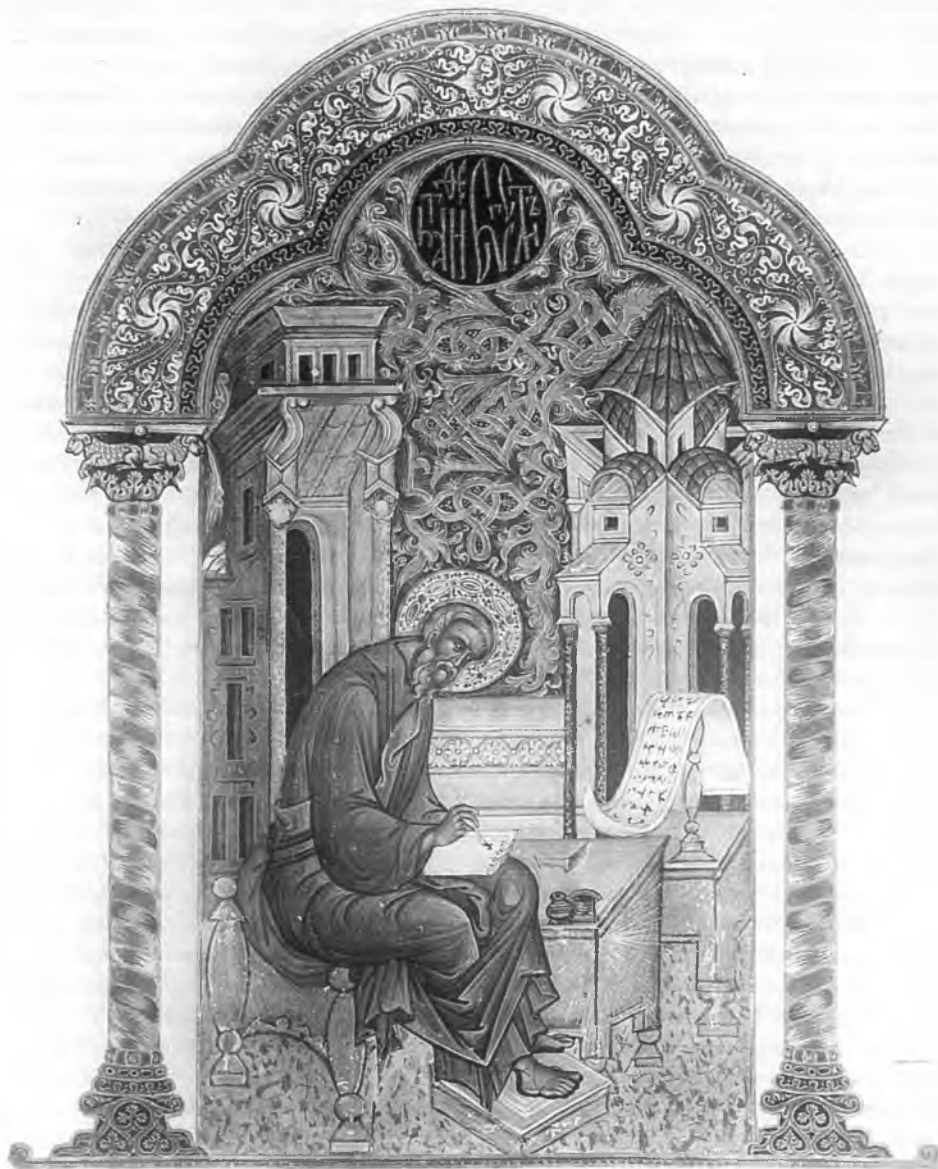
ил. 3

Самую близкую аналогию стилю этой миниатюры, имея в виду внутренний характер образа, письмо «личного» и его колорит, объемность одеяний и их насыщенные (с предпочтением темных тонов) цвета, сложные ракурсы архитектуры, находим в миниатюрах уже упомянутого Евангелия Исаака Бирева-Собаки 1531 г. Их об­разный строй и художественные особенности подробно рассмотрены Н.В. Розановой, но поскольку миниатюры вклеены в рукопись, нельзя забывать предположение о их более раннем происхождении и возможном создании неизвестным афонским мастером¹³. Как известно, это Евангелие стало эталонным образцом для миниатюр еще нескольких рукописей, созданных в ближайшее и последующие десятилетия¹⁴, но ни одну из них нельзя считать столь же близкой к манере художника миниатюр Евангелия 1531 г., как Лука из Апостола ГИМ, Син.13.

Пока не известно, для кого этот Апостол мог быть написан и какова была его судьба, это еще предстоит выяснить. Сходство с почерком Исаака Бирева-Собаки, многообразие мотивов старопечатной орнаментики, ее блестящее исполнение, несомненная близость стилистических особенностей миниатюры к изображениям евангелистов в рукописи 1531 г. позволяет не без основания предположить и здесь возможность участия этого знаменитого каллиграфа и художника книги (по мнению Г.В. Попова, декор памятника чрезвычайно близок к продукции книгописной мастерской Михаила Медоварцева в монастыре Николы Старого в Москве, с которой активно сотрудничал инок Исаак)¹⁵. Менее экспрессивное, смягченное, но, пожалуй, еще более виртуозное по технике и выразительности решение образов евангелистов можно видеть в великолепных миниатюрах уже упоминавшегося Евангелия Исаака Собаки из собрания Покровского собора, написанном и украшенном им для митрополита Иоасафа в конце 30-х—начале 40-х гг. XVI в.¹⁶.

В связи с именем митрополита Иоасафа наше внимание привлек еще один уникальный лицевой памятник. В 2000—2002 гг. в ВХНРЦ под руководством Г.З. Быковой реставраторами В.С. Петецкой, Н.Л. Петровой был отреставрирован иллюминированный Апостол XVI в. из собрания Сергиево-Посадского историко-художественного музея, № 46, происходящий из ризницы Троице-Сергиева монастыря и известный в литературе как Апостол митрополита Иоасафа 1539 г. Его первое описание было издано архимандритом Леонидом, а все миниатюры были опубликованы в 1906 г. в «Атласе» Н.П. Лихачева; в 1921 г. миниатюры и орнамент были подробно описаны Ю.А. Олсуфьевым¹⁷. По стечению исторических обстоятельств рукопись надолго исчезла из поля зрения исследователей и считалась пропавшей. Статья Л.М. Спириной, появившаяся в 1990 г., заново вводит памятник в научный оборот и может считаться наиболее полной на данный момент публикацией¹⁸. Автор совершенно справедливо приводит аналогии к иллюминации Апостола из убранства известнейших рукописей столичного происхождения; для миниатюр на первом месте она называет уже упомянутое нами Евангелие 1531 г. Исаака Бирева-Собаки. (Кстати, отметим, что недаром еще Н.П. Лихачев поместил в своем «Атласе» непосредственно друг за другом воспроизведения миниатюр Евангелия 1531 г. и Апостола Иоасафа; на этих монохромных репродукциях, четко фиксирующих свето-теневую пластику изображений, особенно бросается в глаза их стилистическое сходство¹⁹.)

В статье Л.М. Спириной рукопись датируется широко — 30—50-ми гг. XVI в., но там приведена только одна филигрань — «корона», со ссылкой на альбом Тромони­на. Действительно, «корона» (или, точнее, «тиара») является основным водяным знаком рукописи, однако есть еще ряд филиграней. Сама «тиара» присутствует в трех разновидностях: два варианта без литер и одна — с литерой «А»²⁰. Одна тетрадь (л. 27—34) имеет водяной знак «маленький двуручный кувшинчик под короной»,

3. Евангелист Матфей.

Миниатюра. Евангелие. 1531 г.
РГБ, ф. 304/III. № 15. Л. 12 об.

понтюзо в ней расположены по горизонтали²¹. Единственный раз встречается филигрань «рука под трилистником» (л. 142)²². На трех предпоследних листах рукописи (л. 571–573) видна очень отчетливая не искаженная филигрань «перчатка с литерой RO на ладони под 5-лепестковым цветком»²³. Особенно важно отметить, что ряд начальных листов «Посланий», украшенных большими роскошными заставками с золотом, — вставные, они написаны на особой бумаге, отличающейся как цветом (более белая) и фактурой (очень частые «плотные» вержеры), так и филигранью — маленький одноглавый орел с короной на голове²⁴. (При этом на миниатюрах просматривается основной знак рукописи — «тиара»).

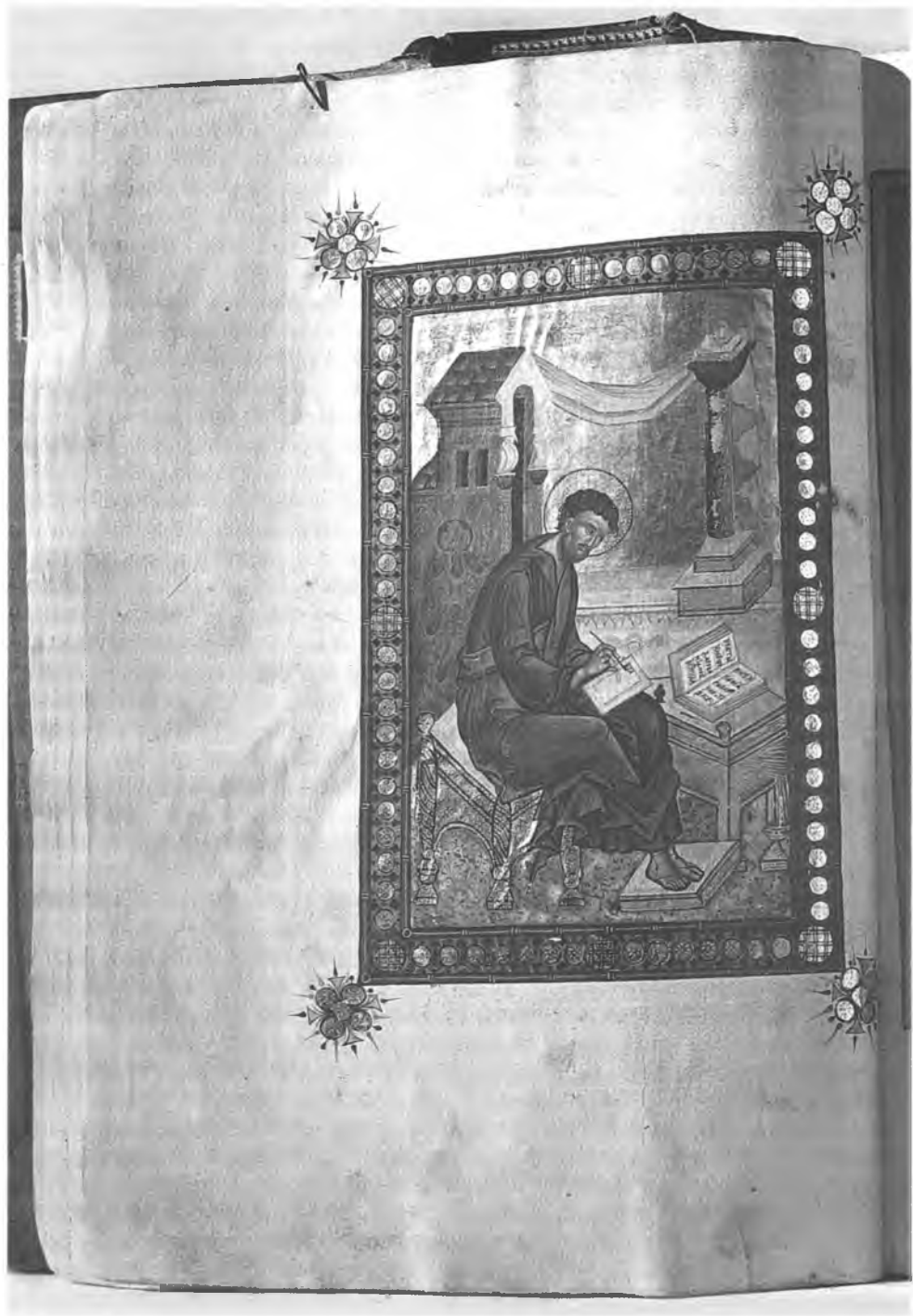
Всего в рукописи 574 листа. Почерк на протяжении всей рукописи один — красивый, пропорциональный, выработанный литургический полуустав; чернила черные, одного оттенка. Как уже отмечалось, подобные почерки, характерные для обширной группы литургических книг, обладают столь высокой степенью стандартизации, что бывает очень трудно уловить индивидуальные признаки манеры писца. Для почерка Апостола можно указать немногие характерные начертания литер: «омега» с чуть заостренными книзу петлями, «земля» с маленькой закрытой головкой и аккуратным правильным полукругом хвоста, Ж — с низко перечеркнутой мачтой. Все литеры уравновешенно-пропорциональны, ритм письма производит впечатление уверенно неспешного, простого, без особых шегольских изысков, но в то же время высокопрофессионального. Количество строк на странице — 15. На л. 156 об. на поле обнаруживается правка тем же почерком, но мелкие литеры написаны здесь более тонким пером. На л. 571 имеется запись писца: «О владыко Христе Боже слава Тебе, всякому бо еси делу благоу зачяло и конец», сведенная колофоном. Сигнатуры писца проставлены в правом нижнем углу оборота последнего листа каждой тетради.

Доски переплета рукописи, очевидно, первоначальные, вровень с обрезом книги, поволооченные гладкой красной кожей. К внутренней стороне верхней крышки приклеен зеленый шелк. На обрезе надпись чернилами, полууставом XVI в. «АПОСТОЛ». На переплетном листе ряд рукописных помет — номера по описям 1764 г. (№ 2) и 1795 г. (№ 5), «ризничной 53», а также запись скорописью 2-й пол. XVI в.: «Апостол год(овой) митрополита Иоасафа»; чуть выше читается слово: «Шенки», полууставом, неровными, довольно крупными буквами. По низу л. 7 идет владельческая запись монастыря, скорописью XVII в.: «Апостол Троецкой». На самом Апостоле нет даты его написания, а также нет и какой-либо пространной вкладной записи. На л. 574 записано карандашом: «Апостол митрополита Иоасафа Скрипицына 1539-го года».

Рассматриваемый Апостол можно характеризовать как одну из наиболее роскошных переписанных и украшенных для него книг. Почерк Апостола немного похож на почерк Исаака Собаки, но все же писал книгу не он; может быть, писец («Шенка»?) был его учеником. Л. М. Спирина подробно проанализировала особенности украшения Апостола митрополита Иоасафа, систематизировала их по типам орнамента (неовизантийский, со старопечатными клеймами, старопечатный, балканский), отметила разницу в манере их исполнения и возможную незавершенность убранства рукописи²⁵. Еще раз укажем, что заглавные листы с наиболее пышными и сложными заставками, неовизантийскими или сочетающими неовизантийские и старопечатные мотивы и выполненными в яркой красочной гамме с использованием золота (л. 7, 146, 164, 194, 229, 281, 362, 380, 399, 413, 427, 450, 480, 492), отличаются по водяному знаку бумаги («одноглавый орел») от основного объема кодекса, т. е. эти заставки могли быть изготовлены особым художником отдельно (почерк писца тот же, что и во всем кодексе). В то же время заставки более графического характера (л. 180, 209, 212, 218, 329, 440, 446, 531) выполнены на «родной» бумаге рукописи — с филигранью «тиара».

В сравнении с обильным декором Апостола ГИМ, Син. 13 орнаментика Апостола из собрания СПМЗ, № 46 относится к следующему этапу освоения новшеств, разработывавшихся в первой трети XVI столетия. Она производит впечатление более уравновешенной, классицизирующей; композиции заставок более простые, с иной логикой соединения деталей, что ни в коей мере не умаляет их высокие художественных достоинств. Особенно характерны для манеры художника широкие старопечатные листья с мелко и довольно округло изрезанными краями, с толстыми золотыми стеблями и с включением круглых золоченых или заштрихованных в клетку «зеркалец» среди листвы. Аналогичные приемы имеются в заставках троичских рукописей этого же времени, что также отмечено Л.М. Спириной²⁶.

Остановимся более подробно на особенностях миниатюр Апостола СПМЗ, № 46. Уже было отмечено Л.М. Спириной, что они близки миниатюрам Евангелия 1531 г. по колориту, письму ликов и другим деталям²⁷. С точки зрения иконографических особенностей прежде всего отметим не совсем обычный состав миниатюр. Помимо традиционных изображений шести авторов Деяний и Посланий (Луки, Иакова, Петра, Иоанна Богослова, Иуды и Павла)²⁸, перед Посланиями апостола Павла к апостолам «из числа 70-ти» Тимофею и Титу помещены «портреты» этих двух адресатов. Они исполнены в том же типе «сидящего евангелиста» и с той же торжественностью, что и авторы Посланий. Существуют иллюстрированные греческие и русские Апостолы с большим количеством персонажей — группами учеников, окружающих учителя, причем в этих композициях изображенные даны преимущественно в рост²⁹, но подобного состава из восьми сидящих апостолов в русских рукописях нам не встречалось. Это редкое решение можно попытаться объяснить личным желанием заказчика — митрополита Иоасафа. Хорошо известен один драматический эпизод из его жизни, а именно — обстоятельства его сведения с престола в результате боярского заговора Шуйских в 1542 г. В Лицевом летописном своде Ивана Грозного этот эпизод изложен следующим образом: «...а митрополиту Иоасафу начаша беззачестие и срамоту чинити великую (приписка на поле: И каменнем по келье шибати) ... и с великим срамом поношаста его и мало его не убиша, едва у них умоли игумен Троецкий Алексей Сергием чудотворцем от убийения...» (события проиллюстрированы тремя миниатюрами)³⁰. Все это происходило 4 января 1542 г., в день, когда празднуется Собор 70 апостолов, в том числе Тимофея и Тита. Может быть, в память спасения от насильственной смерти Иоасаф поручил художнику изобразить и этих двух апостолов не менее торжественно, чем авторов Посланий. Уместно припомнить и свидетельства Жития апостола Тимофея о его мученической смерти от побоев камнями во время увещевания разъяренной толпы³¹. Но такое толкование неизбежно отодвигает дату создания Апостола ко времени после 1542 г., что, впрочем, вполне возможно. Как известно, сразу после этих событий митрополит Иоасаф был сослан в Кирилло-Белозерской монастырь, где находился до 1547 г. После венчания на царство Ивана Грозного Иоасаф был возвращен в Троице-Сергиев монастырь, где и жил «на покое» до своей смерти в 1555 г. Второе объяснение касается лишь изображения апостола Тита: как известно, Иван IV родился 25 августа 1530 г., на день памяти апостола Тита, о чем торжественно повествуется в Никоновской летописи³². Возможно, изображение Тита сделано по специальному заказу Иоасафа, в те поры троичского игумена, которому довелось крестить долгожданного наследника престола в монастыре «у чудотворца Сергия»³³. В таком случае миниатюра с апостолом Тимофеем (празднуется 22 января) помещена из общего пиетета к святому, для полноты цикла единоличных изображений. Все высказанные предположения, естественно, носят характер сугубо гипотетический. Возможно, на первом месте для создания данного иконографического варианта все же стояли рассуждения

4. Апостол Лука.

Миниатюра. Деяния и Послания апостолов.

СПМЗ, № 46. Л. 5 об.

5. Апостол Иуда.

Миниатюра. Деяния и Послания апостолов.

СПМЗ, № 46. Л. 216 об.

богословско-литургического характера: лишь Послания к Тимофею и Титу входят в круг чтений церковного года, и митрополит Иоасаф в своем «годовом» Апостоле пожелал видеть и их изображения³⁴.

Миниатюры выполнены на той же бумаге, что и основной объем рукописи, с водяным знаком «тиара» (особенно ясно проступает водяной знак «тиара» на первой миниатюре с изображением Луки (л. 5 об.). Композиции миниатюр более просты и спокойны по сравнению с Евангелием 1531 г. и Апостолом ГИМ, Син. 13; отметим более крупные масштабы фигур, в которых больше основательности, ясности, величественного спокойствия. Лики серьезные и сосредоточены, в них нет оттенка внутреннего трагизма, как у евангелистов 1531 г., да и в образе Луки из Апостола ГИМ, Син. 13. Все изображенные апостолы обладают неувимым сходством, несмотря на ярко и впечатляюще выраженную индивидуальность каждого. Это связано с присущей мастеру системой построения объема личного, следующего определенной схеме. Характерны прямые носы, узкие миндалевидные глаза со зрачком черной точкой и ярким белком, в отчетливо нарисованных тяжелых веках. Объемность определяет очень темный, теплого оттенка коричневый санкирь, с энергичной, но плавной лепкой выпуклостей золотистой охрой. Эффект сочетания темно-коричневого цвета с другими, контрастными цветами, использован и в письме одеяний. Достигается впечатление прозрачности теней на гиматиях (порой производящих эффект свечения) за счет легких голубоватых пробелов. Завершенность фигурам и лицам придает тонкий гибкий контур, зрительно «вырезающий» их силуэты из окружающей среды, также богато насыщенной игрой красок и форм. В архитектурном стаффаже тонко вылепленные, нежно и ярко раскрашенные сооружения существуют почти самостоятельно, они создают некое умозрительное пространство (подобная колористическое решение свойственно и миниатюре Апостола ГИМ, Син. 13). Отметим еще один общий для этих рукописей прием: выполненные тонкими штрихами цветные тени на архитектуре и мебели. И последняя сходная характерная деталь – везде мы видим позымы с мельчайшими цветными сине-красными пестринами по изумрудно-зеленому полю. Совершенно такие же позымы встречаются только в Евангелии 1531 г. и в Апостоле ГИМ, Син. 13.

Фоны в отличие от Евангелия 1531 г. и Апостола ГИМ, Син. 13 в Апостоле СПМЗ, № 46 не узорчатые, а золотые, гладко полированные. По ним сделаны крупные цветные надписи имен апостолов, преимущественно светло-бирюзовой или зеленой краской. Еще одна отличительная особенность в Апостоле митрополита Иоасафа – крупные золотые плоскости на мебели, покрытые тончайшей сетчатой и точечной «цировкой» (нанесенный острием по золоту вдавленный рисунок). К тому же и в широких прямоугольных рамках миниатюр обращает на себя внимание изобилие полированного выпуклого золота (сплошными полосами, кружками), покрытого либо тонкими «цированными» узорами, либо разделанного чернильной штриховкой, что предполагает имитацию ювелирной техники (гравировки с чернью); углы рамок также оформлены группами золотых геометризованных деталей с «черневыми» дополнениями. Отметим, что подобные «цированные» по золоту детали (рамы и части фонов) мы видим и в миниатюрах Евангелия 1531 г.

Одна из впечатляющих особенностей иконографии апостолов – обилие писанных мельчайшим каллиграфическим полууставом текстов внутри самих миниатюр, на кодексах и свитках. Особенно много их у пишущих Луки, Иуды (л. 216 об.) и Павла (л. 227 об.); количество текстов здесь огромно, они помещены на лицевых и оборотных сторонах и в свитке, и в кодексе, причем здесь присутствует и русский текст, и имитация греческого), и у читающего свиток Тимофея (л. 448 об.).

Рассмотренные художественные особенности миниатюр двух роскошных рукописных Апостолов, созданных во временном промежутке, равном примерно по-

длугора десятилетиям, позволяют предположить, что перед нами одна школа, связанная с традициями крупного столичного книгописного центра, ярчайшем представителем которой был Исаак Собака. Сходство художественной манеры, следование одному стилистическому канону, сам тип ликов с характерными чертами, точечной пластикой и проработкой мельчайших нюансов заставляет сблизить эти памятники. Густой глубокий цвет, активно участвующий в создании объемной формы, и его тщательно нюансированные градации-высветления играют основную роль в письме одеяний. При этом, как указано выше, в этих рукописях прослеживается осязаемое различие почерков, даже при высокой степени стандартизации каллиграфического литургического полуустава. Несомненное родство миниатюр и орнамента с двумя другими замечательными по убранству рукописями — Евангелиями 1531 г. и начала 40-х гг. XVI в. из собрания Покровского собора, созданных одним и тем же лицом — Исааком Собакой, с учетом идентичности и других приемов живописной техники и декора позволяет выделять эти четыре рукописи в особую, довольно узкую группу среди других известных миниатюр литургических рукописей первой половины XVI в.³⁵

1. См.: *Горский А.В., Невоструев К.И.* Описание славянских рукописей московской Синодальной библиотеки. Отдел первый. Священное Писание. М., 1855. С. 316–317; *Дианова Т.В.* Старопечатный орнамент // ДРИ: Рукописная книга. Сб. 2. М., 1974. С. 300–304 (далее — *Дианова*, 1974); *Попов Г.В.* Московская рукопись с миниатюрами конца XV в. из Британского музея (Egerton. 3045) // ДРИ. Проблемы атрибуции. М., 1993. С. 166 (с датировкой до 1531 г.) (далее — *Попов*, 1993).
2. *Дианова*, 1974, С. 300–304. О миниатюрах и орнаменте рукописей Исаака Бирева-Собаки см.: *Зацепина Е.В.* К вопросу о происхождении старопечатного орнамента // У истоков русского книгопечатания. М., 1959. С. 138–142, 150–153 (далее — *Зацепина*, 1959); *Ухова Т.Б.* Каталог миниатюр, орнамента и гравюр собраний Троице-Сергиевой лавры и Московской Духовной академии // Записки Отдела рукописей ГБЛ. Вып. 22. М., 1960. С. 100, 124; *Киселев Н.П.* Происхождение московского старопечатного орнамента // Книга. Исследования и материалы. Вып. XI. М., 1965, С. 171–172, 184–196; *Розанова Н.В.* Памятники миниатюры московского круга первой половины XVI в. // ДРИ: Художественная культура Москвы и прилежащих к ней княжеств XIV–XVI вв. М., 1975. С. 261–274 (далее — *Розанова*, 1975); *Серебрякова Е.И.* Неизвестный памятник московской миниатюры XVI в. из собрания Покровского собора // ПКНО. 1991. М., 1997. С. 134–145. (далее — *Серебрякова*, 1997).
3. Факсимильное воспроизведение миниатюр и орнамента Евангелия 1507 г. см.: *Бычков А.Ф.* Заставки и миниатюры Четвероевангелия 1507 г. СПб. 1881; *Дианова*, 1974. С. 300.
4. *Дианова*, 1974. С. 300. Заметим, что филигранны «кувшин двуручный» и «кувшин одноручный» воспроизведены также у Н.П. Лихачева под номерами 2629–2631, с заметкой: «Из Апостола, недатированной рукописи XVI в.» (см.: *Лихачев Н.П.* Палеографическое значение бумажных водяных знаков. Ч. II. СПб., 1899. С. 246, 249 (далее — *Лихачев*, 1899 и номер филигранны с датой).
5. *Лихачев*, 1899. Ч. I. С. 149–150, 158; Ч. II. С. 11; Ч. III. №№ 1580, 1587, 1588; *Шепкин В.Н.* Лицевое житие св. Нифонта XVI в. // Описание памятников Российского им. Александра III Исторического музея. Вып. 2. М., 1903. С. 7.
6. Разность манеры письма у одного и того же писца (и в частности, у Исаака Собаки) в зависимости от конкретного типа рукописи и, возможно, от условий заказа отмечается многими палеографами (см.: *Синицына Н.В.* Отождествление почерков русских рукописных книг конца XV–первой половины XVI в. и его трудности // Проблемы палеографии и кодикологии в

6. Апостол Павел.
Миниатюра. Деяния и Послания апостолов.
СПМЗ, № 46. Л. 227 об.

7. Апостол Тимофей.
Миниатюра. Деяния и Послания апостолов.
СПМЗ, № 46. Л. 448 об.

- СССР. М., 1974. С. 107–113; *Клосс Б.М.* Нил Сорский и Нил Полев — «списатели книг» // ДРИ. Рукописная книга. Сб. 2. М., 1974. С. 150–167).
7. *Серебрякова Е.И.* Лицевое Евангелие писца Исаака из собрания ГИМ // Вопросы славяно-русской палеографии, кодикологии, эпиграфики. Труды ГИМ. М., 1987. С. 45–51 (далее — *Серебрякова*, 1987).
 8. Л.М.Костюхиной датировано первой четвертью XVI в. (см.: *Костюхина Л.М.* Нововизантийский орнамент // ДРИ. Рукописная книга. Сб. 2. М., 1974. С. 282–283).
 9. *Клосс Б.М.* Библиотека московских митрополитов в XVI в. // Проблемы палеографии и кодикологии в СССР. М., 1974. С. 116; *Дмитриева Р.П.* Иоасаф Скрипицын — книжник и библиофил XVI в. // Книжные центры Древней Руси. XI–XVI вв. Разные аспекты исследования. СПб., 1991. С. 304–312 (далее — *Дмитриева*, 1991).
 10. *Дмитриева*, 1991. С. 304.
 11. *Зацепина*, 1959. С. 150–152; Судные списки Максима Грека и Исаака Собаки. Изд. подг. Н.Н. Покровским. М., 1971. С. 78; *Синицына Н.В.* Рецензия на изд. Судные списки Максима Грека и Исаака Собаки // Вопросы истории. № 2. М., 1973. С. 153–156; *Серебрякова*, 1987. С. 47; считаем необходимым привести сведения из книги Ю.А. Олсуфьева: «Бирев Исаак. Инок Троице-Сергиева монастыря в первой половине XVI в. (1531 г.). Мирское имя Исаака нам неизвестно, но можно полагать, что он принадлежал к дворянскому роду Биревых. Биревы во второй пол. XVI в. были поместны в Каширском и Коломенском уездах, один из Биревых служил по Елифани. В XVII в. Биревы служили по Тарусскому списку, а также стряпчими и дворянами московскими. Л.М. Савелов дает родословную роспись Биревых, восходящую до первой пол. XVI в. Происхождение Биревых нам неизвестно; но если Бирев — сокращенное Биреев, то в лице инока Исаака мы, может быть, имеем представителя очень древнего дворянского рода, член которого Михаил, упоминаемый в 1391 г., был боярином митрополита Киприана» (см.: *Олсуфьев Ю.А.* Описание лицевых изображений и орнамента книг ризницы Троице-Сергиевой лавры. Сергиев Посад, 1921. С. 89–90 (далее — *Олсуфьев*, 1921)).
 12. Основной источник для реконструкции судьбы Исаака Собаки и роли в ней митрополита Иоасафа — это Судные списки Максима Грека и Исаака Собаки (см. прим. 23). Все эти факты неоднократно излагались исследователями (см.: *Дмитриева Р.П.* Иоасаф (Скрипицын) // СККДР. Вып. 2. Часть 1. Л., 1988. С. 409–414; *Дмитриева Р.П.* Исаак (Исак) Собака // СККДР. Вып. 2. Часть 1. Л., 1988. С. 442–443; *Серебрякова*, 1987. С. 48).
 13. *Розанова*, 1975. С. 261–274.
 14. Назовем Евангелие из собрания Лукашевича (РГБ, ф. 152, № 59), Евангелия диакона Ионы Зуя и архимандрита Меркурия Дмитровца из ризницы Троице-Сергиева монастыря (СПМЗ, №№ 272, 321). См.: *Розанова*, 1975. С. 266–269; *Спирина Л.М.* Лицевые рукописи XVI в. из собрания Загорского музея-заповедника // Древнерусское и народное искусство. Сообщения Загорского музея-заповедника. М., 1990. С. 83–88 (далее — *Спирина*, 1990).
 15. *Попов*, 1993. С. 166.
 16. *Серебрякова*, 1997, С. 134. Кстати, материалы недавно опубликованной Описи строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 года позволили предположить происхождение Евангелия, хранящегося в настоящее время в Покровском соборе, из ризницы Кирилло-Белозерского монастыря, там зафиксировано Евангелие «писма Исака Собакина» (см.: Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 г. Комментированное издание. Сост. З.В. Дмитриева и М.Н. Шаромазов. СПб., 1998. С. 154–155, 313). Это Евангелие мог вложить в монастырь сам митрополит Иоасаф, живший там в ссылке с 1542 по 1548 г.
 17. *Леонид (Кавелин)*, архим. Славянские рукописи, хранящиеся в ризнице Свято-Троицкой Сергиевой лавры // ЧОИДР. Кн. 4. 1880. С. 41–44; *Лихачев Н.П.* Материалы для истории русского иконописания. Атлас снимков. Ч. 2. СПб., 1906. Табл. CCCXXVI. № 759–762; табл. CCCXXVII. № 763–766 (далее — *Лихачев*, 1906); *Олсуфьев*, 1921. С. 39–51.

"Alphabet" of Northern German master of the 15th century Israel van Mekenem. It links its provenance with well-known scriptorium in Nicola Stary monastery in Moscow. There is only one frontispiece miniature of Apostle Luke, in arched frame, with ornaments on background and refined architectural decoration. The Luke's face is painted very expressively; his figure is of good proportions. The colours of clothes are dark-brown and blue, with light lines on drapery. All these features find parallels with some other monuments of book illumination, especially with well-known Evangelium of year 1531, copied by calligrapher Isaak Sobaka.

The second manuscript (the Apostle too, from Sergiev-Posadsky museum) have belonged to metropolitan Joasaph, who was bibliophile and had his personal library with many precious manuscripts. This book has eight miniatures, not only of saint authors of Acts and Epistles, but Timothy and Titus. This fact can be explained by personal order of Joasaph, may be, ordered in memory of his salvation during the boyars revolt in year 1542. The stylistic features of these eight miniatures are very close to miniature of Apostle Luke in SHM, Syn. 13. It is possible that in these two manuscripts we have the work of one painter or of his immediate pupil.